

Сергей Лукьяненко
представляет автора

Саша Кругосветов

ПУТЕШЕСТВИЯ КАПИТАНА
АЛЕКСАНДРА
ТОМ III

Сергей Лукьяненко представляет автора

Саша Кругосветов

**Путешествия капитана
Александра. Том 3**

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2015

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос=Рус)6

Кругосветов С.

Путешествия капитана Александра. Том 3 / С. Кругосветов —
«Региональное отделение продюсерского центра при
Интернациональном Союзе писателей», 2015 — (Сергей
Лукьяненко представляет автора)

Третий том «Путешествий капитана Александра» включает в себя три первых части книги 5 «Остров Мория. Пацанская демократия». Рассказ о путешествии капитана Александра на остров Мория, о необыкновенной жизни и подвигах Великого Федерального Канцлера этого острова, нестигаемого государственника, магистра юридических и богословских наук, профессора боевых искусств стиля Нельзя, простого парня с рабочих окраин, «великого и ужасного» Ганса ГАНСа, о жизни его Братанов, четких пацанов кооператива «Лужа», о жизни пастуха бездны Симона Рыбака, чернеца Световида-воина, а также о жизни прекрасной Беллы Кулы, вновь явленной нам божественной Мории.

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос=Рус)6

© Кругосветов С., 2015
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2015

Содержание

Отражение в зеркале, которого нет	8
Книга 5. Путешествия капитана Александра	12
Часть 1	14
Благость изгнания	14
Себастьян Брант и шуты	17
Строительство корабля	22
Доминиканцы[9] и францисканцы[10]	24
Отправление корабля	26
Преподобный Иоанн – капитан Мории	28
Остров Мория	29
Летучий голландец	32
Провинции Мории и атаман Гермек	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Саша Кругосветов

Путешествия капитана Александра

Том 3

Литература изъята из законов тления. Она одна не признает смерти.

М. Е. Салтыков-Щедрин

«ПУТЕШЕСТВИЯ КАПИТАНА АЛЕКСАНДРА» – это сборники приключенческих рассказов для детей и подростков. Их герой, будучи юнгой, участвовал в Синопском сражении и в обороне Севастополя. Кумирами капитана Александра с детских лет были адмиралы Лазарев и Нахимов, Капитан Александр, впоследствии известный мореплаватель второй половины

XIX века, ходил на деревянных парусных судах и не изменял им даже с появлением железных кораблей и паровых машин.

Он путешествовал вместе со своими друзьями – Боцманом, Штурманом, Поваром-Кокком и говорящим голубем Митрофаном. С ними путешествовали также два мальчика-великана Дол и Зюл, найденные на побережьях островов Франков и Бриттов.

Приключения героев происходят в море, на суше и на островах, имеющих конкретную географическую привязку: Нормандские, Азорские острова, остров Комодо, Галапагосские, Маркизские острова, острова Туамоту, остров Мадагаскар, Патагония, Огненная Земля.

Всего сборников – пять. Первый том включает в себя первую книгу из цикла «Путешествия капитана Александра»: «Большие дети моря», предназначенную для детей шести лет, и вторую книгу «Киты и люди» – для детей 10–11 лет. Во втором томе помещены третья и четвертая книги. Третья книга «Архипелаг Блуждающих Огней» – для детей 14 лет и старше. В ней описывается история колонизации Патагонии и островов Южной Америки. Четвертая книга «Остров Дадо. Суверенная демократия» – это облегченный политический памфлет, предназначенный для юношеского и взрослого прочтения. Вы держите в руках третий том, здесь вы найдете пятую книгу «Остров Мория. Пацанская демократия» (части с первой по третью), это тоже политический памфлет в форме тревелога. Книга ранее не издавалась. Отдельной книгой выходило приложение к ней «Морийские рассказы. Бывальщина и небывальщина» – в России, «Морийские рассказы» издавались в Венгрии, на венгерском языке, в составе сборника. В данном издании книга «Остров Мория. Пацанская демократия» публикуется в сокращенном виде.

Надеюсь, что жизнь и приключения капитана Александра, до настоящего времени мало освещенные в литературе, окажутся интересными и поучительными для юных читателей и их родителей.

Отражение в зеркале, которого нет (размышления книгочая-дилетанта)

Литература многолика и многогранна.

Вряд ли для современного читателя эта мысль станет новостью. Во всяком случае, даже в книжном магазине любители классики сразу же направляются к полкам с томами в строгом и лаконичном оформлении, поклонники фантастики и детективов высматривают яркие и цветастые обложки, а пришедший за справочниками студент будет искать на корешках и обложках цифры, формулы и именованья наук. В свою очередь художественная литература также разнообразна и по форме, и по содержанию, и по методу реализации. Рискну предположить, что в наше время большая часть издаваемых книг состоит из произведений сюжетных, пусть и разной степени строгости. Жанр притчи и гротеска зародился во времена античные, пережил пик популярности довольно давно, волна эта накатила и схлынула, оставив потомкам творения Франсуа Рабле, Джованни Бокаччо и Джеффри нашего Чосера, неизбежно вспенилась на заре советской эпохи, подарив миру Ильфа и Петрова, и к середине столетия вроде бы улеглась, растворившись в куда более востребованной беллетристике. Однако и сегодня многие авторы обращаются к политической и бытовой сатире в духе «Кроликов и удавов» Фазиля Искандера.

О сущности книги, которую вы, дорогие читатели, держите в руках, подозрения закрадываются сразу же по прочтении имени и фамилии автора. Ну кто из авторов сюжетностей по-простецки назовётся не Александром, а Сашей? Единственный известный мне Саша, не склонный к едкостям сатиры, – это музыкант Саша Суббота, но он балканец, у них там всё возможно. Зато стоит только подумать о фельетонах – и здрасте-пожалте, пример находится моментально: Саша Чёрный. Поневоле настроишься на сатирическую волну. Да и фамилия автора как бы намекает нам. Тем более что из названия следует: речь пойдет о плаваниях и приключениях. Вы поверите после этого в подлинность фамилии Кругосветов? Да ни в жизнь.

Я, во всяком случае, не поверил и, как показало дальнейшее чтение, не ошибся. Однако вынужден признать честно: от текста я ожидал совсем другого.

Книга началась вообще не как художественный текст, а скорее как вводная к некоему то ли историческому, то ли документальному повествованию, причём терпеливо и ненавязчиво излагались факты и реалии европейского прошлого, которые рядовому обывателю вряд ли известны в достаточной мере. «Ага, – подумал я. – Нас к чему-то готовят!»

И снова не ошибся. Справедливо рассудив, что учиться никогда не поздно, рядовой обыватель в моем лице погрузился в чтение. И довольно быстро снова впал в растерянность.

Повествование вроде бы вырুলило к некоему сюжету, хотя манера изложения и сам материал невольно напомнили нечто среднее между «Гаргантюа и Пантагрюэлем» и «Путешествиями Лемюэля Гулливера» – взять хотя бы неперемные многозначительные эпитафии, да и хотя бы общую атмосферу. Вместе с тем прочно утвердилось ощущение честной историчности, поскольку не возникло ни единого сомнения в том, что автор разбирается в истории куда лучше читателя, то есть меня, профессионального дилетанта.

В какой-то момент я обнаружил, что узнаю среди упомянутых персонажей реальные исторические личности, однако понятия не имею – события, в которых они участвуют, действительно имели место в прошлом или же целиком вымышлены автором?

Поставив галочку в памяти, я принялся читать дальше.

Довольно быстро я пришел к заключению: раз автор не заморачивается технической правдоподобностью в описании плавучего острова, да и мореплавания вообще, наверное, и с исторической достоверностью он играет, как хочет. И верно: очень скоро в истории Мории (тоже ведь неоднозначное название) всплыл персонаж по имени Иоанн Летсер, в котором

только ленивый не опознал бы Иоанна Богослова, тем более упомянуто даже отшельничество на одном из греческих островов, хотя название Патмос и не фигурирует. Потом возникают странные отражения Ермака, названного в тексте Гермеком, и Петра Первого в лице Государя Кифы. Уж этих-то двоих опознал бы любой русский человек, посещавший среднюю школу даже в качестве двоечника.

Так, исподволь, читатель подводится к осознанию: речь идет не о выдуманной стране, плывущей по морю, и не о дураках, её населяющих, а, собственно, о самом читателе, кем бы он ни был. И о его стране.

О России.

Жонглируя цитатами философов и мыслителей всех времён и народов, выстраивая из их высказываний неожиданные логические цепочки, Саша Кругосветов постепенно убеждает: мир за окном не слишком-то отличается от выдуманного мира дураков. И дураки – не такие уж и дураки, они просто любят жизнь и похожи на любого из нас. В жизни полно кривых зеркал – как и в любом сколько-нибудь стоящем тексте, и границы между жизнью и текстом размыты, если они вообще существуют.

Это вот растворение выдумок в реальности, а реальности в выдумках во все времена манило людей мыслящих, людей, которым скучно просто валяться на диване, а поскольку книги Кругосветова заявлены как юношеские, они неизбежно усилят в молодых душах пассионарный зуд. Заставят думать, искать, смотреть – и, что, наверное, важнее всего – находить и видеть.

Всем, кто помнит времена Советского Союза, памятно и душное ощущение раздвоенности бытия, когда говорилось одно, а делалось другое. Когда пропагандируемые с экранов и плакатов ценности мало соответствовали реальным ценностям повседневной человеческой жизни. Когда ложь объявлялась правдой, правда – ложью, и всё это вдобавок иногда менялось местами в самые непредсказуемые моменты.

По большому счёту, сегодня мало что изменилось, разве что ложь стала более циничной, а правда ещё более приземлённой и физиологической. Возможно, именно поэтому многие сегодня ищут душевное спасение в текстах: и те, кто тексты создаёт, и те, кто тексты читает. Что ещё остаётся создателю? Высмеивать пороки, сочувствовать страждущим и открывать глаза на очевидное слепцам. Что остаётся читателю? Смеяться вместе с создателем, грустить от собственного бессилия что-либо изменить и периодически делать открытия, восклицая: «Где были мои глаза?!»

Это, безусловно, до предела упрощённая схема, однако она даёт достаточное представление о жизни сегодняшних россиян и о реалиях социума, в котором эта жизнь протекает. Вряд ли, конечно, тексты Кругосветова следует рассматривать как учебники бытия, однако они способны навести на многие дельные мысли, которые остались бы за пределами восприятия читателя, не возьми он в руки «Путешествия капитана Александра».

Кроме того, как и в любом многослойном тексте, в книгах Кругосветова что-либо своё сумеют отыскать самые разные люди, интересующиеся совершенно отличными и зачастую беспредельно далёкими друг от друга вещами.

Взять хотя бы дискуссию героев романа о Морах, Варах и Хазах. Понятно, какие этносоциальные группы аллегорически препарирует автор – всё до предела прозрачно. В кажущейся простоте, даже примитивности, и лобовых формулировках внезапно рождается откровение.

Для нас, погрязших в многословии, иносказаниях и идиотической политкорректности, зачастую уже невозможно назвать кошку кошкой, обязательно станем громоздить смыслы и тонуть в намёках. А ведь можно, можно ведь быть предельно кратким и убийственно точным? Не так уж это и трудно – стоит всего лишь назвать кошку кошкой, даже наступив на неё в тёмной комнате. И всё, этого достаточно, чтобы пазл бытия сложился, и картина мира стала

логичной и внутренне непротиворечивой. Не зря Саша Кругосветов адресует свои истории детям и подросткам, которые ещё не закалились в собственном видении мира, не погрязли в традициях и условностях и способны то, что они видят, и то, о чем они говорят, связывать напрямую, причём переброшенные между понятиями и названиями мосты и тропки проложены по кратчайшим расстояниям. Не в этом ли – честности, краткости и смелости называть вещи своими именами – кроется рецепт спасения нашего многострадального мира? У Евгения Лукина есть замечательный рассказ «Словесники» о некоем сообществе людей, в котором любое произнесённое слово тут же воплощалось в реальную жизнь. Что-то мне подсказывает: если достаточно большое количество людей хором произнесёт что-нибудь, мероприятие это не останется пустым сотрясением воздуха, воспоследуют и некоторые события, скорее всего напрямую связанные с произнесённым.

Кстати, у такой вот манеры изъясняться помесью лобовых формулировок и эзоповым языком есть и ещё одно приятное свойство: сколь эрудирован и умён ты ни будь, всех псевдонимов всё равно не угадаешь. А это стимулирует жгучее желание докопаться до истины и точно установить, кого же из реальных или выдуманных, но известных личностей или персонажей Кругосветов нарёк каким-нибудь Диж Быжем или Бадриком.

Но вернёмся к тексту.

Читая о реалиях Мории – будь то экономика, обычаи, понятия или перечень министерств – я не мог избавиться от ощущения, что автор смеётся сквозь слёзы. Почему – нетрудно догадаться. Уж слишком много параллелей с сегодняшней Россией. И почему-то смеяться сквозь слёзы у нас на Родине доводится только тем, кто её действительно любит. И, как правило, именно эти люди повлиять на судьбы страны способны только в условиях глобального социального стресса сродни событиям 1917 или 1991-го. Тем же, кто стоит у руля государства и по идее может и должен влиять, плакать почему-то не приходит в голову. Они только смеются – над нами. Зачем им плакать? Лучше купить очередную виллу, приехать туда на очередном спорткаре (или лимузине, в зависимости от темперамента), вкусить там недоступных большинству россиян яств и вволю посмеяться над упомянутым большинством. Цинизм такого подхода запределен, но к нему как-то умудрились привыкнуть и приспособиться по обе стороны водораздела. И только дети сохраняют в душах первозданную чистоту, откуда неизбежный процесс взросления не разбросает их вдоль всё того же водораздела, и понятно, с какой стороны окажется подавляющее большинство. Неудивительно, что обращение к этим неокрепшим и несформировавшимся душам только и способно хоть как-то повлиять на гипотетическую способность плакать от несправедливости, а значит – хотеть эту несправедливость как-нибудь исправить, побороться с ней и в конце концов одолеть.

Однако верит ли сам Кругосветов в то, что несправедливость можно победить? Тем более посредством написания текстов? Не думаю. Иначе он не вложил бы в свой памфлет столько застарелой недетской горечи, даже если и сделал он это неосознанно. Вместе с тем есть твёрдая уверенность: сознаёт он и тот факт, что, даже не веря в победу с воцарившейся социальной несправедливостью, всё равно следует бороться с нею. Любым законным способом и текстами тоже. И невольно заражает этой уверенностью читателя, особенно такого увлекающегося и восприимчивого, как дети и подростки.

В целом текст Кругосветова трудно назвать легким – чтение памфлетов, особенно политических, всегда предполагало некоторое усилие над собой, помноженное на необходимость иметь хотя бы минимальную эрудицию и желание шевелить мозгами. И если удаётся подобными текстами заинтересовать подростковую аудиторию, значит, не всё ещё потеряно в нашем мире и России в частности. Кругосветов об этом, безусловно, знает, и именно на этом зиждется вторая составляющая его посылы – я о смехе, если кто не сообразил. Умение смеяться, когда впору плакать, присуще людям одновременно сильным и оптимистичным – а ведь именно такими, сильными и оптимистичными, мечтают вырасти все рождённые на Земле дети. Исто-

рии капитана Александра – это многократно опрокинутые, а порою и вывернутые наизнанку песочные часы, где смех то и дело оборачивается слезами, а слёзы смехом, и этот инь-яневский дуализм исподволь заражает и душу, и интеллект. Разве не этого добивались, добиваются и будут добиваться писатели во все времена? Особенно в России, где писатель по определению обязан одновременно являться и мыслителем, властителем дум?

Помимо смысловой наполненности книги Кругосветова порадуют и удачными, вкусными фразами, которые приятно оценить и вне контекста, и своеобразным юмором; даже внезапные переходы от нарочито стилизованных под исторические трактаты фрагментов к полублатным байкам смотрятся достаточно органично. У меня, во всяком случае, перемены в лексике и манере изъясняться отторжения не вызвали, наоборот, они вносят известное оживление и то и дело заставляют встряхнуться. Да и сами по себе такие переходы интересны, потому что монотонность и одинаковость искусству чаще всего чужда, и любой новый штрих позволяет взглянуть на описываемую ситуацию иными глазами и под новым углом. А это в свою очередь позволяет снова и снова оценивать любой многогранный текст на каждом из присущих ему уровней.

Для взрослых нужно писать точно так же, как и для детей, только хуже. Памятуя, что в каждой шутке есть доля шутки, следует отметить: Кругосветов с самого начала позиционировал свои тексты как детские и подростковые, а значит, он осознанно расположил планку на известной высоте, которую обязался выдержать – только за это его уже стоило бы уважать. А чего достоин автор, успешно взявший заявленную высоту, – решайте сами, раз уж книга у вас в руках.

В заключение скажу и о том, что во времена победившей беллетристики появление подобных текстов является устойчивым маркером неокончателности победы общества над индивидуумом. Сколько ни лепят средства массовой информации вкупе с нынешней системой образования идеального безмозглого потребителя, а все ещё находятся люди, которые пишут и читают тексты, подобные разбираемому.

И что самое странное – находятся люди, которые в наш век чистогана и процента от прибыли подобные книги издают. Вот это, скажу я вам, загадка почище корабля дураков.

В хорошем смысле.

В. ВАСИЛЬЕВ

Москва, июль 2015

Книга 5. Путешествия капитана Александра Остров Мория. Пацанская демократия

*В чести и силе та держава
Где правит здравый ум и право,
А где дурак стоит у власти,
Там людям горе и несчастье.*

Себастьян Брант

В этой книге мы познакомимся с путешествием капитана Александра на остров Мория, встретимся с Федеральным Канцлером этого острова, необыкновенным человеком, которому присущи цельность взгляда на мир и живое чувство взаимосвязи различных сторон народной жизни. Капитан Александр посетит также Академию ненужных наук и познакомится с её последними разработками. Необычный уклад жизни обитателей острова и стиль работы его научных учреждений, сложившиеся во второй половине XIX века, с трудом воспринимаются современным сознанием и, по-видимому, вызовут неизбежный скепсис и критику. Тем не менее, присмотревшись к морийской действительности, мы без труда сможем разглядеть те или иные черты нашей современной жизни и современного общества.

Часть 1

История создания корабля дураков и история государства морийского

Благость изгнания

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как жёлтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.*

А. Ахматова

Создание и устройство корабля Мория относятся к концу XV – началу XVI века. Чтобы лучше понять, как появился этот корабль и другие подобные корабли, нам придется заглянуть в туман ещё более древних веков. Увы, эта не грустная и даже, пожалуй, веселая история, как ни прискорбно, начинается с описания самых униженных и отверженных детей той далекой эпохи. Прости меня, мой друг, но так часто бывает. Прекрасный лотос, вечно купающийся в облаке собственного тонкого аромата, вырастает из обычной грязи. «И создал Господь Бог человека из праха земного». Видимо, грязь содержит в себе нечто особо благодатное. Не отвергай грязь. Она скрывает в себе семена великолепных лотосов, что лежат в глубине, ждут своего часа, чтобы прорасти и выйти на поверхность. Но вернёмся к теме нашего рассказа.

В постоянном страхе жила Европа в период позднего Средневековья. Штормовыми шквалами накатывались на неё болезни, одна другой страшнее. Ужас чумы. Медики могут дать только один совет: cito, longe, tarde – беги скорее, беги дальше, возвращайся позже. Болезнь «изнурения» (туберкулёз), малярия, оспа, коклюш, чесотка, венерические болезни и просто авитаминоз, который тогда не умели распознавать. На войне – дизентерия, тиф, холера. Страшным пугалом с XI по XIII век была проказа (лепра)¹. Больных редко лечили, а чаще изгоняли из общества. За пределами городских стен создавались специальные места, где больные могли быть изолированы от социума. Государство выделяло деньги для содержания больниц и лепрозориев. Количество только одних лепрозориев в Европе XIII века доходило до двадцати тысяч.

Обществу навязывалось особое отношение к изгнанникам. Пугающий образ изгоя дополнялся обязательными процедурами отторжения, изгнания из общества, заключения в мистический круг. Фигура изгоя становилась знаковой. Тяжёлая, неизлечимая болезнь рассматривалась как знак и гнева, и милости Божьей. Понести кару за зло, которое ты совершал в мире сём, – особая благодать. Эти люди не отлучены от милости Бога. Отмеченные священными болезнями, они обретают спасение, находясь в положении изгоев. Их спасёт рука, к ним не протянутая. Грешник, не пустивший изгоя на порог своего дома, открывает ему путь в Царство небесное. Будьте терпеливы, назидательно говорят им, обретёте спасение, подобно нищему в лохмотьях, что умер у ворот богача и вознесся прямёхонько в рай (притча о нищем Лазаре). Изгой оставлен всеми, и в этом его спасение. Изгнание – особая форма причастия.

В XIV веке уменьшается количество страшных эпидемий, исчезает леpra. Уходят и забываются страшные заболевания. Воспоминания о них изглаживаются из памяти людей. Но обычаи исключения из общества, до странности похожие друг на друга, встречаются в Европе и

---

¹ Болезнь Хансена, протекающая с преимущественным поражением кожи, нервной системы, глаз, гортани, кистей и стоп.

через два-три столетия. Зачастую в тех же самых местах. Освобождаются земли, занятые больницами и лепрозориями. Вокруг городов образуются проплешины, бесплодные необитаемые пространства, находящиеся во власти нечеловеческого начала. Роль изгоев, изгнанников, прокажённых берут на себя бедняки, бродяги, уголовные преступники и «повредившиеся в уме». Их выгоняют на пустующие земли и в пустующие здания, к которым боятся приближаться «нормальные» люди. К этим людям применяют веками апробированные процедуры исключения из общества, изгнания и изоляции. Место заразных и прокажённых передаётся как эстафетная палочка новому феномену – безумию. Которое тогда ещё не лечилось. Безумцы, буйно-помешанные, лунатики, эпилептики, больные танцем святого Ги, паралитики, ненормальные, пляшущие на грани колдовства, фольклора и религиозных извращений. В число изгоев включают всех, кто, по мнению горожан, не укладывается в общепринятые нормы: калек, больных базедовой болезнью, уродов всех видов, горбунов, хромых, людей с бельмом на глазу.

Появились корабли, заполненные сумасшедшими и перевозившие необычный груз из города в город. Не корабль Арго и не доблестные Аргонавты. Города при первом удобном случае изгоняли безумцев за пределы своих стен. Те скитались по отдалённым деревням. Тогда их перепоручали купцам или паломникам. Иногда – морякам, которые поначалу старались не увозить их далеко, а высадить раньше времени. В этом случае у изгоев появлялась возможность вернуться. У причалов европейских городов часто можно было встретить такие «корабли дураков». Особое распространение этот обычай получил в Германии.

Как «комплектовался» подобный корабль, до конца неясно.

Возможно, власти выселяли всех, занимающихся бродяжничеством. Бывало и так, что некоторых умалишённых помещали для лечения в больницы или особые места лишения свободы для безумных. Все эти больницы и «особые места» могли впоследствии пополнять контингент «кораблей дураков», которые часто упоминались и подробно описывались в средние века. В места паломничества прибывали многочисленные странники из некоренного населения страны. Не исключено, что некоторые «корабли дураков» были именно кораблями паломников.

Плавание такого судна приобретало особый символический смысл: умалишённых отправляли на поиски своего разума – кто-то спускался по рекам Рейнской области вниз, а кто-то, наоборот, поднимался по Рейну вверх. Средства на размещение и содержание безумных выделялись из городского бюджета. Безумных надо было излечить или изолировать. Как правило, их не лечили, а сажали в тюрьму. Или увозили как паломников и где-нибудь теряли. Сложный процесс. В тюрьме ли, в больнице ли, на корабле свершался ритуал исключения из человеческого сообщества. Происходило образование анклава², в котором накапливались безумные. Земля обетованная, где человека ждёт избавление от безумия.

Как правило, морякам наказывалось увозить безумных как можно дальше. Другое дело, что экипажи кораблей стремились поскорее расстаться с умалишёнными. При изгнании безумных решались не только вопросы пользы и безопасности «нормального» населения. Это был ещё и ритуал, ритуал изгнания. Безумцам запрещали появляться в церкви, хотя по закону они могли исповедоваться и причащаться. Безумный священник изгонялся с особой торжественностью, как будто сам стал нечистым. Безумным давали подъёмные, деньги из городского бюджета. А потом – ритуал: публичная порка розгами, преследование понарошку, изгнание за ворота города. Корабль уносит безумных вдаль. В море. В европейской традиции вода устойчиво связана с безумием. Море – образ безумия, бессознательного, хаоса. С другой стороны, вода очищает. Во всяком случае, вода уносит безумца за пределы обитаемого пространства.

---

² Территория какого-либо образования, полностью окружённая чуждой ему территорией и не имеющая самостоятельного выхода.

Безумцы ушли в плавание, их отдали в руки переменчивой судьбы. У плавающих по водам собственная участь – каждое отплытие может стать последним.

Дурак на дурацком челноке имеет переходный статус. Это образ тюрьмы за воротами города. Для внешнего мира – он внутри (у порога города). Для внутреннего – снаружи (за порогом). Он заперт на борту. Побег невозможен.

Он во власти реки и её тысячи рукавов. Власти переменчивой, никому неподвластной и неподотчётной.

Дурак на челноке уходит в мир иной. Когда он высаживается на берег по окончании плавания, когда ступает на этот берег, – он приходит из иного мира.

Тревога охватывает европейскую культуру накануне Реформации³. Корабль дураков имеет две стороны: угроза и насмешка, головокружительная бессмысленность мира и смехотворная ничтожность человека. О чём же тревожатся европейские умы? О пороках, которые европейское сознание клеймит по-прежнему, о гордыне, о недостатке милосердия, о забвении христианских ценностей? Или о великом мировом неразумии, в котором никто не повинен и которое тайно и неотвратно вовлекает всех нас в свой неудержимый круговорот?

Взглянем на картину И. Босха «Корабль дураков»⁴. Как видит этот мир гениальный мастер средневековья? Рассмотрим различные предметы на корабле. Все они – символы, понятные жителям средневековой Европы. Игра на лютне, блюдо с вишней, пустой горшок, надетый на конец копья, обозначают плотские утехи. Бутылка вина, подвешенная за бортом, стакан на столе, черпак на длинной ручке – пьянство. Окорок гуся, подвешенный на нити блин, который монах и монахиня пытаются поймать ртом, – обжорство. Двое, уже раздетых, упали

³ Мощное религиозное движение, направленное на реформирование учения и организации христианской церкви.

⁴ Одна из наиболее известных картин нидерландского художника Иеронима Босха.

за борт. Один – мужчина. Другой, другая – не понять, мужчина или женщина. Им уже все равно. Корабль плывёт по стране наслаждений, где всё желаемое доступно. Это новый рай, где нет нужды и страданий. Но здесь не обрести ни невинности, ни благодати. Блаженства здесь мнимые, здесь торжество Антихриста.

Корабль дураков – предвестник конца света. Шабаш природы. Горы рушатся на равнины, земля извергает мертвецов, скелеты выходят из могил. Падают звёзды, горит земля, всякая жизнь, иссохнув, устремляется к смерти. Это конец, который не ведёт к вечной жизни. Это нашествие тьмы, поглощающей древний разум этого мира. Вокруг – стихия разбушевавшейся Ярости. Здесь победа не за Богом и не за Дьяволом. Победа за безумием.

Так воспринимали мир бедные, забытые, запуганные, невежественные люди в глухое, грозное Средневековье. Потому они и отправляли в никуда корабли с человеческими существами, не похожими на других. Существами, которых называли безумными. А те были просто странными, неуступчивыми, бездомными, больными, слабыми, нищими, немощными, верующими или неверующими мужчинами или женщинами, они были для всех остальных символом несчастья, символом непонятого, того, что нужно вывести за пределы своей жизни, строго очерченной стенами и воротами города.

Но оставим тему космического безумия.

Попробуем вместе найти переходы в этих душных коридорах средневековой истории, где уже чуть приоткрыты форточки, где повеяло свежим ветерком, где появились люди, предчувствующие приход Реформации. Люди, которые сделали первые шаги, чтобы хоть что-то изменить в этом закостеневшем догматическом мире.

Себастьян Брант и шуты

*Признавший сам себя глупцом,
Считаться вправе мудрецом.
А кто твердит, что он мудрец,
Тот именно и есть глупец.*

Себастьян Брант

*Сердце мудрецов – в доме плача,
А сердце глупых – в доме веселья.*

Притчи Соломоновы

Настала пора уже рассказать об очень важном для нашего рассказа, замечательном человеке Себастьяне Бранте, жившем в конце XV – начале XVI века. Нам он известен как автор весёлых, остроумных и очень добрых стихов о дураках⁵. Однако нам с тобой он будет интересен, в первую очередь, совсем не этими стихами. Ведь Себастьяну удалось сделать ещё нечто из ряда вон выходящее, о чем долгое время мы даже не догадывались, нечто по-настоящему интересное и значительное. Ничего подобного не удавалось сделать, наверное, никому в истории человечества. Сотворить такое, что повлияло на жизнь многих людей и в Средние века, и в более поздние времена капитана Александра (второй половины XIX века) и сейчас, может быть, тоже влияет на нашу с тобой, современную жизнь.

Себастьян Брант родился в городе Страсбурге Священной Римской империи в зажиточной семье трактирщика. С детства знает и видит народную жизнь такой, как она есть. Едет учиться в Базель. Очень быстро становится преподавателем и профессором права и классической литературы. Теперь он доктор гражданского имперского и канонического церковного права. Молодой учёный занимается адвокатской практикой, публикует ряд теологических, юридических и литературных текстов.

На поэта и законоведа, юношу талантливого, умного, весёлого, общительного и образованного, обращает внимание наследник императорского престола Максимилиан. Человек просвещённый и весьма разносторонний, он свободно владеет латинским, немецким, итальянским, английским и чешским языками. В истории известен как «последний рыцарь». Макси-

⁵ Имеется в виду сатирическое произведение «Корабль дураков», написанное С. Брантом в 1494 году.

милиан покровительствует искусствам, в частности, помогает знаменитому Дюреру⁶ и многим учёным-гуманистам. Собирает рукописи, хроники, разыскивает и сохраняет памятники Средневековой немецкой поэзии, покровительствует университетам. Содействует книгопечатанию, потому что понимает: именно книгопечатанию гуманизм обязан своим распространением. Отличается огромной терпимостью к иноверам и инакомыслящим.

Когда Максимилиан всходит на императорский престол, Брант получает титул пфальц-графа и звание советника. Себастьян, верный слуга императора, неоднократно отмечает роль империи как духовного лидера всех христианских наций, а роль церкви – как духовной власти всей Ойкумены. Германия же, по его глубокому убеждению, остается ядром Священной Римской империи, во главе которой неизменно стоят императоры династии Габсбургов.

Тем временем в стране ширится антиимперское движение. Базель объявляет о выходе из состава империи и становится членом Швейцарской конфедерации. Себастьян Брант, жёсткий сторонник Максимилиана, вынужден вернуться в родной город Страсбург. Там он получает должность сначала синдика (прокурора), а потом – муниципального канцлера.

Именно в этот период Себастьяну Бранту довелось лучше узнать жизнь родного города и обычных горожан. Весёлый нрав и доброжелательность отличали канцлера в его взаимоотношениях как со знатными людьми, так и с простолюдинами. Помимо всего прочего, Бранту на его должности приходилось заниматься организацией излечения и выдворением из города умалишённых, больных, всех, кого тогда обобщённо называли дураками.

Дураков боялись. При этом, однако, дураки были весьма популярны в среде знати и простого люда. Дураков, мнимых дураков, карликов, уродов, просто инородцев держали при дворе в качестве шутов и для показа гостям.

Где шуты – там смех, игры, шутки. Избрание короля по жребию. Застольные обряды. Здравницы. Питьё вкруговую, пение с миртой⁷, пляски, пантомимы.

Дураки участвуют во всех народных праздниках, карнавальных играх, масленичных гуляниях.

Среди дураков немало искренне верующих людей, паломников, есть и инакомыслящие. Много образованных людей. Немало хороших простых натур, потерявших связь с родной почвой, опустившихся, потерявших надежду вернуться в круг нормальной жизни, в общество.

Себастьян руководил поисками дураков и комплектованием корабля для отправки их за пределы города. Хотя напрямую занимались этим его помощники, служащие муниципальной канцелярии, как-то так получалось, что Себастьян знал почти всех дураков. Служилый люд и обыватели боялись дураков. А Себастьян часто приходил к ним на корабль. Следил за тем, чтобы они были всем обеспечены. Беседовал с ними. Шутил, смеялся. Высмеивал дураков в стихах и им же читал эти стихи. Вместе хохотали до слёз. Перед отходом корабля прощался с ними, как с близкими друзьями. Очень грустил, когда корабль с дураками уходил. Однажды Себастьяну сообщили, что корабль дураков, отправленный три месяца назад, вернулся. Почти никто из дураков не нашёл себе места в дальних краях. Себастьян встретился с этими людьми, словно с родными после долгого расставания. Он действительно рад был вновь их повидать. Любил этих отверженных обществом людей. Опять часто навещал их корабль. Долгими вечерами они все вместе шутили, говорили о серьёзном, вспоминали разные случаи из жизни.

– Вам незачем грустить от того, что вы на корабле дураков, – часто говорил им Брант. – Покровительница глупости – греческая богиня Мория. Она ведь помогает не только дуракам, но и всему роду человеческому, не отличающемуся, увы, особой мудростью. Поэтому ваше судно следует в её честь называть «кораблём Мория».

---

⁶ Альбрехт Дюрер – немецкий живописец и график, один из величайших мастеров искусства Ренессанса.

⁷ Мирга (мирг) – дерево богини любви Венеры. Ветви мирты использовались для украшения помещений, ценились за красоту и целебные свойства.

Не должно нам стыдиться своей прекрасной покровительницы. Мория – весёлая, озорная, пухленькая, смешная, вся в ямочках.

Что означает Мория в переводе с греческого? Греческое слово одно, а для перевода потребуется много слов. Отличное настроение в сочетании с двигательной активностью, беспечностью, дурашливостью, склонностью к шуткам, иногда грубым, насмешкам, остроум, каламбурам. Расторможенность влечений, эйфория, склонность к не слишком моральным поступкам, весёлое возбуждение. Черты детского поведения, паясничанье, пониженная интеллектуальная планка. Да он, интеллект то есть, и не нужен весёлому человеку.

Зададимся вопросом: «С какой женщиной обычно хотят быть мужчины?» В глупости представительниц прекрасного пола находят мужчины высшее блаженство. Браком сочетаться надо с неумной бабёнкой, скотинкой непонятливой, глупой, но милой и забавной. Дабы бестолковостью своею она подсластила и приправила тоскливую важность мужского ума.

Посмотрите, каковы родители Мории. Плутос, греческий бог богатства, отец Глупости и всех людей. От его приговоров зависят: войны, мир, искусства, учёные труды. Не старым, не толстым и не обрюзгшим был Плутос, когда встретился с матерью Мории. А был он ловкий, бодрый, хмельной от юности. Кто же она, будущая мать Мории? Неотета, юность, самая прелестная из всех нимф. Плутос и Неотета соединились не в узах брака, не по обязанности, а от вождения свободной любви. Родилась Мория на счастливых островах, где нет ни труда, ни старости, ни болезней, где не сеют, не пахут, а в житницы собирают. Родилась среди лучших цветов и усад. Не с криком появилась. А вступила в жизнь, ласково улыбаясь нежной своей матери. Вскормлена мягкими сосками двух кормилиц: Метэ (опьянения), рождённой Вакхом, богом вина и плодородия, и Апедии (невоспитанности), дочери Пана, бога природы. Поверьте мне, друзья мои, творчество природы выше поделок искусства и науки.

Кто может быть лучше дурачков, любимых детей Мории?

Дурак, постоянно вращаясь в гуще жизни, приобретает истинную раскованность. Глупость гонит от себя и страх, и стыд, которые обычно держат человека за руки и за ноги. Поэтому всё реальное делается в нашем мире только дураками.

В жизни всегда предпочитают последнего дурака из простонародья, который может повелевать глупцами и повиноваться им, который угоден себе подобным (а таких большинство), кто с женой ласков, с друзьями обходителен, в пиру весел, в сожительстве приятен и которому ничто человеческое не чуждо.

У дурачка, что в сердце, то и на лбу написано, что на лбу написано, то и с языка срывается. Там, где мудрец головой заплатит, дурачок сорвёт аплодисменты и вызовет бурю восторга. Женщины предпочитают благополучных дураков. Счастливее в жизни тот, кто всех безумнее.

Софокл⁸ сказал: «Блаженна жизнь, пока живешь без дум». Что слаще и драгоценнее жизни? А кому мы обязаны жизнью? – Мории, только Мории, дающей людям сладострастное безумие. Так люди делают детей.

Какому из многих важнейших органов тела человек обязан появлением детей? Это не красивое лицо, не умелые руки, не ясная голова, не гладкий живот. Это самый глупейший из всех органов, одно лишь лицезрение которого вызывает всеобщий гомерический хохот.

За период плавания и возвращения корабля Мории, так будем теперь называть корабль дураков, в Страсбурге накопилось много новых кандидатов на выселение. Нашлись муниципальные деньги, и был приобретён новый корабль. Подобрали моряков и отправили два корабля вместе. Второй корабль был назван Плутосом в честь отца Мории. Почему получилось так, что и в этот раз оба корабля вернулись полными? То ли дураки не хотели расставаться со Страсбургом, жители которого любили своих дураков, то ли не хотели расставаться с обаятельным канцлером... или хитрый канцлер так подстраивал каждый раз, что дураки возвра-

---

⁸ Афинский драматург, автор известных трагедий.

щались? Не один лишь Себастьян Брант радовался возвращению дураков. Проводы и встречи дураков превращались во всенародные праздники.

Среди дураков встречались довольно образованные, а иногда и очень талантливые люди. Паломник к могилам волхвов в Кёльне, грек Пигрет Галикарнасский – по крайней мере, так он сам себя называл – написал шуточную поэму «Батрахомиомахия» о войне за мировое господство лягушек и мышей, о том, как царь лягушек Вздумморда утопил мышонка Крохобора. Поэма по стилю напоминала «Илиаду», и Пигрет пытался убедить слушателей, что эта поэма была написана Гомером. К вящему удовольствию слушателей, Пигрета, в конце концов, вывели на чистую воду и удостоили аплодисментами и дифирамбами. Не менее интересен был поэтический опыт его греческого друга, представлявшегося Синезием, – возможно, его звали вовсе не Синезием – который написал, а может, это и не он написал, шуточную поэму «Хвала плешу».

Был среди дураков шутник, написавший поэму «Комар» о благородном комаре, который, укусив пастуха, предупредил и спас последнего от подползающей ядовитой змеи. Герой поэмы был ненароком убит тем же пастухом. Душа комара, не похороненного должным образом, металась в тёмных коридорах Аида и не могла найти успокоения. Узнав об этом, раскаявшийся пастух похоронил комара, воздав ему почести, и воздвиг памятник своему спасителю.

– Это не я, это не я писал! Это Вергилий! – кричал шутник под дружный хохот собравшихся, но никто ему не поверил.

Среди дураков были прекрасные музыканты, певцы, акробаты, клоуны. И, конечно, было много мастеров различных ремёсел.

Строительство корабля

С каждым новым походом возрастало количество кораблей дураков. В состав флотилии вошли корабли с новыми названиями: Неотета, Метэ, Апедия – по имени матери и кормилиц Мории.

Флот рос. Появлялись суда, названные именами подруг и друзей Мории. Кто эти подруги и друзья? Вот они собрались вокруг Мории. Филавтия (себялюбие) с гордо поднятыми бровями; Колакя (лесть), улыбающаяся одними глазами и плещущая ладонями; полусонная Лета (забвение); Мисопония (лень), сидящая, сложив на коленях руки; Гедонэ (наслаждение), опрысканная благовониями, увитая розами; Анойя (безумие) с беспокойным взглядом; лосня-

щаяся, раскормленная Трифэ (чревоугодие). И двое друзей: Комос (разгул) и Негретос Гипнос (непробудный сон).

Так же назывались и корабли.

Отправлять в плавание такую армаду каждый раз было всё сложнее и сложнее. Моряков не хватало. Дураки основательно обживались на своих кораблях. Обзаводились семьями, детьми. Осваивали различные профессии. Вели домашнее хозяйство. Многие научились морскому делу, искусству управления парусным кораблём, правильному использованию его оснастки. Для уменьшения тягот управления судами Себастьян предложил связывать их попарно, бортами. На таком сдвоенном корабле достаточно иметь одну команду моряков. Каждый раз к главному кораблю, Мории, привязывали все больше и больше кораблей. Чтобы укрепить связь кораблей между собой, их стали обвязывать канатами и изгородями, сделанными из ивовых прутьев. Ивовые ветки в пресной воде прорастали и опутывали корпуса кораблей ветвями, стволами и корнями. Группа кораблей постепенно превращалась в огромную корзину. Стволы и ветки ив опутывали борта и днища, перекрывали плотной стенкой доски бортов, защищали их от протечки воды и гниения. Толщина древесного слоя увеличивалась, и корпус объединённого судна постепенно превращался в самовоспроизводящуюся систему, способную самостоятельно бороться с протечками и защищаться от наростов ракушек и гниения.

Выяснилась также необычайная быстроходность такого объединённого корабля. Если, например, объединить восемь кораблей, то парусность судна увеличивается в восемь раз, а размеры и соответствующее сопротивление воды увеличиваются менее чем в три раза.

Со всей Европы направлялись паломники, шуты, инородцы, слабоумные, юродивые, одни задумчивые, другие – пылкие и шумные, странные, бездомные, нестандартные, неприкажные, забытые, не такие, как все, во владения весёлого канцлера.

– Когда это всё кончится? – спрашивали бургомистры Страсбурга и соседних городов, спрашивали францисканцы, которые имели особое влияние на светские и церковные городские власти, спрашивали приближённые императора. – В Страсбурге всегда карнавал, всегда праздник. Мы закупаем всё новые и новые корабли, нанимаем моряков. Никаких муниципальных денег на всех дураков не хватит.

Было ясно, что это несметное множество кораблей, которые постоянно объединяются в один корабль, в скором времени невозможно будет разместить ни на Рейне, ни на его притоках. Следует, куда ни кинь, отправить их, наконец, в дальнее плавание. Как горевал Себастьян! Ведь ему придётся расстаться со своими весёлыми друзьями. Безумцами, простаками, дураками. Которые справлялись с решением любых житейских вопросов лучше самых умных. И лучше любых умников понимали толк в шутке, веселье, в любви, в умении жить счастливо. Тревожно и страшно было отправлять их в дальние моря. На волю стихий. Скорее всего – на погибель.

– Не бойся, Себастьян! Мы не пропадём. А если и пропадём – нам теперь уже нестрашно, совсем, совсем нестрашно. Мы так хорошо пожили в Страсбурге. Нам есть, что вспомнить перед смертью! Спасибо тебе Себастьян, Эстебан, Стефан, Стёпа! Мы никогда тебя не забудем.

Корабль был готов к отплытию. Но Брант медлил. Всему научились его дураки: и одежду шить, и обувь тачать, и плавучий дом свой охранять, и такелаж ремонтировать, и кораблём управлять. А уж веселиться и танцевать они умели лучше всех на свете.

Но хотелось Бранту, чтоб появился тот, кто может повести их. Кто наполнил бы их сердца Божьей верой. Кто мог бы принимать решения. Кто не надеялся бы на «авось». Кто умел бы предвидеть трудности. Чтобы не погиб корабль в одночасье от наивной безответственности или от незначительного промаха.

Где найти такого человека? Человека, который согласился бы сесть на этот корабль вместе с дураками и отправиться в неведомые дали за пределы упорядоченного, оседлого существования. Который это неведомое предпочел бы уютной жизни в богатом культурном Страсбурге, облаканном Императорским и Папским престолами.

Брант медлил. Дураки были готовы. Горожане требовали решения вопроса. Но случай всё-таки подвернулся. И не просто случай, а Богом благословенный случай. Нашёлся-таки достойный человек, на которого и положиться можно, и который согласился навсегда покинуть Страсбург, потому что нельзя было ему оставаться ни в Священной Римской империи, ни в Швейцарии, ни в любой другой стране, осенённой Папским престолом. Прежде чем познакомиться тебя с этим человеком, следует рассказать немного о других предшествующих событиях, в которых участвовал Себастьян Брант. Ведь Себастьян не только в пирушках с дураками проводил время. Будучи муниципальным канцлером, он отвечал за многие городские проблемы, управлял канцелярией. Кроме того, занимался правом, риторикой, классической литературой, преподавал в университетах.

Доминиканцы⁹ и францисканцы¹⁰

*Безумствует всякий человек в своем знании.
Да не хвалится мудрый мудростью своей.*

Иеремия

*Где Разум, Правосудье где? – на небесах.
А вместо них, увы! царит разбой кровавый,
Насилье, ненависть, вражда и суд неправый.*

Ронсар

Два нищенствующих ордена боролись друг с другом, начиная с XIII века.

– Кто более отвергает богатство и любовь к вещам?

– Кто более мил Господу нашему Иисусу Христу?

– Кто более боготворит Святую Деву Марию, олицетворение чистой материнской любви, страданий за сына, милосердия, желания спасти людей, за которых умер Иисус?

– Кто сможет разыскать большее количество еретиков, восставших против Догматов Святой

Церкви, и уничтожить их правами инквизиции, данными обоим орденам Римским Папой?

– Кто добьётся большего благоволения от Папы Римского?

Францисканцы отказываются от собственности, от недвижимости и земель. Так же и доминиканцы.

Доминиканцы отказываются от красивых одеяний. Носят только белую тунику с пелериной и капюшоном, перепоясанную кожаным ремнём, и чёрный плащ с чёрным капюшоном. Францисканцы носят только серую одежду, подпоясанную простой верёвкой (кордельерой), и сандалии на босу ногу.

Доминиканцы называют себя псами господними. На их гербе – собака с горящим факелом в пасти.

Францисканцы открывают орден бедных Кларисс (женский орден, названный в честь святой Клары).

Оба ордена получают право быть инквизиторами.

---

⁹ Католический монашеский орден братьев-проповедников, основанный испанским монахом святым Домиником.

¹⁰ Монахи католического нищенствующего ордена, основанного святым Франциском Ассизским с целью проповеди апостольской бедности и аскетизма.

Доминиканцы врастают в общество, наблюдают за всеми, слынут очень образованными. Их называют Христовыми ласточками.

Францисканцы открывают в университетах кафедры философии, точных и естественных наук.

8 декабря все католики отмечают день Святого зачатия Девы Марии. Ан вот францисканцы додумались: «Не просто Святого зачатия, а непорочного зачатия!» И Папа их поддержал. И буллу¹¹ выпустил.

Что ж, мы, доминиканцы, любим Святую Деву меньше? Праздник мы не отменяем. Но непорочного зачатия никак не может быть. Наш Фома Аквинский¹², причисленный к лику святых, уже доказал это в открытых диспутах.

Булла Папы Римского о непорочном зачатии принимается как догмат на Базельском соборе. Раскол. Что делать теперь доминиканцам?

Нам, современным людям, живущим в России, трудно разобраться в разногласиях различных богословских группировок католической церкви. Но и у нас, в православной церкви, тоже происходило нечто подобное при принятии никонианства¹³.

Нет, доминиканцы вовсе не собираются уступить.

И вот в Берне, в доминиканском монастыре, вдруг начинают происходить чудеса с неопитом Иоанном Летсером, портным из Цюриха в недавнем прошлом. Во сне ангелы шепчут ему, что грешно считать непорочным зачатие Святой Девы Марии. Ночью является ему сама Святая Дева и в слезах говорит, что, если христиане не расскаются в своем заблуждении о непорочности её зачатия, то их ждут суровые испытания и падение папского престола. Что прав был Фома Аквинский, что суждения его истинны и внушены ему Господом. Даёт монаху крест, окропленный кровью Её Сына, три слезинки, пролитые им в пустыне Иерусалимской, три пелёнки, которые она использовала во время бегства в Египет, фиал (сосуд из стекла) с частью крови Иисуса. Даёт монаху письмо для Папы Юлия II: «изгнать францисканцев и отказаться от веры в непорочное зачатие».

Потом случается так, что икона Святой Девы начинает источать слёзы. На руках и ногах Летсера появляются стигматы – язвы, подобные ранам Господним. Бесчисленные толпы паломников стекаются в Берн, чтобы прикоснуться к чудесной иконе и чудесным стигматам.

И о ужас, о позор! Летсер случайно обнаруживает лектора монастыря в женской одежде, в которой тот являлся ему по ночам в образе Девы Марии. Летсер понимает, что обманут. Что стигматы нанесены ему во сне с использованием чёрной магии и колдовства, а точнее – обезболивающих средств. Летсер не хочет быть сообщником обмана. Его уговаривают никому ничего не сообщать. Он чувствует, что его жизни угрожает смертельная опасность. Летсер бежит из монастыря. И отдается светским властям Берна.

Схвачены четыре доминиканца. Вызвана Папская комиссия.

Виновных подвергли пытке. Пытке подвергли и Летсера. Выяснился ужасный обман. Виновные доминиканцы отлучены от церкви. И отданы светским властям для казни и сожжения. И были убиты и сожжены, а их пепел – брошен в реку. Доминиканский же орден делает всё возможное, чтобы провозгласить мучениками всех четырех лжецов. Суета сует! – сказал Екклезиаст. – Суета сует – всё суета.

Но доминиканцы не сдаются. Магистр доминиканцев-обсерватинов¹⁴ и профессор богословия Виганд Вирт, непричастный к ужасной и кровавой истории, предлагает францисканцам в открытом диспуте выяснить справедливость догмата о непорочном зачатии Святой

---

¹¹ Постановление папы по духовным делам.

¹² Философ и теолог XIII века, член ордена доминиканцев.

¹³ Никонианский раскол, новообрядчество. Термин происходит от имени Патриарха Никона, который привел русские богослужебные обычаи и книги в согласие с новогреческими.

¹⁴ Папа Римский выделял обсерватинов как орден особо строгих правил.

Девы. Францисканцы поручают провести диспут Себастьяну Бранту. Вирт возмущён. Как это светский человек будет обсуждать с ним, с магистром доминиканского ордена, сокровенные вопросы веры? Вирт обвиняет Бранта в том, что тот «своим подлым плугом пашет чужое поле», но на диспут всё-таки соглашается. Стороны встречаются в Гейдельберге в 1513 году. В присутствии известных богословов Себастьян одерживает блестящую победу. Виганд Вирт слагает оружие, признаёт поражение, сознаётся, что оскорбил богословское учение, честь, достоинство и доброе имя многих францисканцев и отрекается от своих заблуждений. Во власти Себастьяна объявить Вирта еретиком и передать инквизиции, но Себастьян протягивает ему руку дружбы.

Растроганный Вирт при личной встрече сообщает тому о страшной тайне: осужденный Летсер не был убит, он спасён и препровождён в тайное место. Вместо него было сожжено другое тело, тело неизвестного бродяги, усопшего ранее момента казни еретиков. Вирт объяснил, почему так произошло. Доминиканцы искренне восхищались открытым и смелым характером неофита Иоанна. Летсер умён, благороден, честен. Узнав об обмане, он не захотел в нём далее участвовать. Но, безвинный, готов был принять смерть вместе со своими братьями за грехи их. Приговорённым к смерти перед сожжением дали выпить чашу с ядом. Выпил яд и Летсер. Но остался жив. Доминиканцы были потрясены. «Он святой, святой», – тихо шептали они, но не смели сказать это громко. Доминиканцы решили спасти Летсера. Но теперь ему нет пути ни к доминиканцам, ни к францисканцам. Летсера нет в живых. И никто не должен его теперь видеть.

Себастьян знакомится с Летсером и понимает, что это тот человек, который ему нужен. Открытый, верующий. Решительный. Волевой. Прямо говорящий о том, что думает. Не терпящий лжи. Мужественный. Умеющий держать оружие и умеющий за себя постоять. Любящий конкретность в делах. Способный взять на себя ответственность. «Боанергес» (сын грома) – назвал его Себастьян, видимо, за порывистый характер.

Иоанна Летсера тайно перевозят на корабль, где его никто не сможет найти. Ни власти города, ни простой люд не посещают корабль – все боятся дураков и стараются держаться подальше от них. Иоанн соглашается остаться на корабле дураков и взять на себя миссию управления плаванием в никуда.

Узнав поближе население корабля дураков, он восклицает в восхищении:

– Сладко мудрость забыть порой. Какое счастье не видеть больше мрачных догматиков с их упрямством, с их непрошеной и несвоевременной мудростью, с их сумасбродным благоразумием! Какое счастье уйти в море на этом корабле! Одни лишь дураки по-настоящему искренни и правдивы. Глядя на них, могу сказать: лучше безумным быть и болваном, чем умником кровавым и хмурым.

Отправление корабля

Стоит среди бела дня посмотреть под ноги и по сторонам, мы мним, что ничего пронизательней нашего зора нельзя помыслить. Поднимем глаза к солнцу, сознаемся, что понимание значения вещей – потеря времени и лишняя обуза, когда настанет время устремиться к солнцу.

Мишель Фуко

Иоанн Летсер берет с собой икону Святой Божьей Матери.

– Нет, не случайно назван я Иоанном, – думает он. – Христос поручил апостолу Иоанну заботиться о Деве Марии. Я же должен заботиться об иконе этой. И Святая Дева Мария будет охранять корабль сей и оберегать его во время плаванья нашего в никуда.

Он обращается за помощью к Святой Деве. Она – и бог, и человек. Единственный посредник между человеком и Христом. К ней не страшно обратиться. Она полна любви и чистоты.

Иоанн освящает корабль и просит Божьего благословения начать это необычное плавание. Не думал, не гадал Иоанн, что кораблю этому уготована была долгая жизнь и плавание длиной в несколько столетий.

Со слезами провожает Брант своё детище и людей этого смешного корабля, который уходит теперь на верную гибель. Ритуальное возвращение корабля с безумцами к своим истокам, возвращение в море, олицетворяющее потерю ума. Вода вновь соединяется с безумием. Каждого пассажира и каждого члена экипажа этого корабля Брант вспоминает как близкого друга и каждому посвящает отдельное стихотворение, которое включает потом в поэму «Корабль дураков». Поэма сразу становится очень популярной и переводится на многие языки. Известна она и до сих пор всему христианскому миру. Поэма Бранта заканчивается гибелью корабля. Но живое детище Бранта оказалось более крепким орешком и намного пережило своего создателя.

Корабль дураков выходит в открытое море. Что будет дальше? Куда его вести? Как проложить курс по этой волнующейся равнине? Иоанн только сейчас начинает понимать, какой груз он взвалил на свои плечи.

Пьяный ветер, волны – быки,
В трюмах крысы и мрак,
Наш корабль ведут дураки
На фальшивый маяк.
Дураки! Дураки! Дураки!
Ярко светит красный фонарь,
В бухте у Сатаны,
Ждёт давно безумный корабль
Зуб огромной скалы.
Дураки! Дураки! Дураки!
Скалы, эй! Скалы, эй! Скалы, эй!
Берегись!
Дуракам на всё наплевать,
Им неведом закон,
Брошен руль, и мачты скрипят
Под ударами волн.
Дураки! Дураки! Дураки!

(Песня. Стихи М. Пушкиной)

Куда ни кинь взгляд, везде неверная пашня моря, невидимые борозды кораблей. Кораблей, о которых помнят только вечные звёзды. Наблюдая бескрайние волнующиеся долины, люди, зажатые в ограниченные внутренние пространства судна, из уст в уста в страхе тихо поверяют друг другу свои секреты. Море лишает прочных связей с Родиной, лишает веры в Бога, вверяет слабые души дьяволу и безбрежному океану его происков.

Отчего так меланхоличен характер англичан, островного народа, живущего среди морских просторов, морских ветров и морского тумана?

Вечные холода и сырость, неустойчивая погода постоянно держат в воздухе водяную взвесь, мелкие капли, проникающие в жилы и в кровь, вызывающие сомнения, неуверенность и, в конце концов, безумие.

Море олицетворяет тёмное водяное начало, где всё рождается и всё умирает. Это хаос, который противостоит зрелому, устойчивому, светозарному разуму. У мореплавателя нет иной правды, нет иной родины, кроме бесплодных просторов между двумя берегами, двумя чужбинами.

Тристан¹⁵, прикинувшись безумцем, позволяет высадить себя на берег Корнуэльса. Его не узнают. Он выходец из беспокойного, неугомонного моря, волшебной равнины, изнанки мира, чьи неведомые пути хранят столько удивительных тайн. Сын моря, вестник беды, брошенный здесь дерзкими матросами. «Лучше бы они выбросили его в море» – говорят жители Корнуэльса.

Мореплаватель – заключённый, узник посреди самой вольной, самой широкой из дорог, он прикован к перекрёстку, открывающемуся во все концы света. Вечный пассажир. Никому неведомо, куда причалит его корабль. Когда его нога вновь ступит на землю, никто не сможет сказать, откуда он прибыл.

Не такова ли и душа человека – одинокий челнок в безбрежном море желаний, в бесполезном поле забот и неведения, играющем бликами ложного знания, челнок, заброшенный в сердцевину неразумного мира? Душа наша окажется в конце концов во власти великого моря безумия, если не найдёт надежного якоря веры, если не сумеет поднять паруса для веяния Духа Божия, который направит наш корабль в неизвестный до поры порт назначения.

Преподобный Иоанн – капитан Мории

*Совесть, Благодество и Достоинство
Вот оно святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
За него не страшно и в огонь.
Лик его велик и удивителен,
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
Но зато умрёшь, как человек.*

Б. Окуджава

Лишь легкомысленные дураки не унывали. Нашлись среди них те, кто умел проложить курс по звёздам. Кто умел управлять кораблём, парусами при шторме и волнении. До нас не дошло, с какими проблемами столкнулись жители Мории в первые часы, дни и месяцы плавания. И пережить это могли только настоящие дураки, только те, кто не задумывался о будущих проблемах, не боялся препятствий, не хмурил брови от забот, кто с песней и шуткой встречал удары судьбы, не унывал, верил в лучшее, подставлял плечо соседу и побеждал в конце концов.

Ведь с ними был их капитан Преподобный Иоанн Летсер. Единственный душевно здоровый среди отверженных, падших и больных. Много переживший. Никого не предавший. Не поступившийся ни верой, ни принципами. Чудесным образом избежавший смерти и перенёсший душевное потрясение. Обласканный Господом и Девой Святой. Пересмотревший многое из того, во что верил. Но сохранивший себя в чистоте, чтобы продолжить писать книгу жизни с чистого листа. Вырвавшийся из объятий косных норм и церковных догматов Средневековья. Сделавший сам себя заново. Не потерявший искренней веры в Слово Божье и в любовь между его чадами.

Он стал другим человеком, перевернул внутри себя этот ортодоксальный мир как прочитанную страницу и пошёл дальше.

Простодушный монах, умевший удивляться. И умевший удивлять. Открытый, душевный. В общении с ним чувствовалась особая доброта, свойственная очень сильным людям. «Железный портняжка» – так шутливо называли его морийцы. Иоанн не захотел сменить

---

¹⁵ Легендарный персонаж средневекового рыцарского романа XII века, наследник чудесного царства Лоонуа.

свою скромную монашескую тунику, перевязанную простой верёвкой, и открытые сандалии на одежду бравого капитана. Но в его капитанских качествах вряд ли кто-нибудь мог бы усомниться. Достаточно было бегло взглянуть на толпу морийцев, собравшихся на верхней палубе, чтобы сразу понять, кто из них капитан. Смелый, решительный взгляд, могучая стать приземистого монаха. Жёсткие ладони, огрубевшие от морского труда. В самую плохую погоду, в минуты наибольшей опасности он отодвигал штурмана и боцмана, брал в жилистые руки штурвал огромного корабля. Зорко вглядывался он в буруны моря сквозь ревушую мглу шторма, выискивая опасные мели и рифы. Если нужно, первый хватался широкими ладонями за канат, натягивающий парус или удерживающий шлюпку. Вычёрпывал воду из трюма. Не задумываясь, брал в руки боевой топор при нападении пиратов. Вместе с морийцами плотничал, ковал железо, шил одежду. Вместе со штурманом наносил на карту маршрут движения корабля.

Первым был Иоанн и на весёлых пирушках, гуляньях, на свадьбах, на праздниках рождения детей, масленицы, Рождества и Пасхи. Он и петь умел, и плясать, и слово доброе сказать. Говорят, что выпить по случаю тоже был не дурак. Видать, и женщины не обходили вниманием «железного портняжку». Но об этом мало что известно. Известно только, что семьей он не обзавёлся. Потому что был беззаветно предан народу Мории, и всю свою жизнь без остатка отдавал на благо родного корабля. Потому и умел Иоанн найти для каждого человека единственно нужное в данный момент тихое слово. Советом поддерживал людей и делом помогал. Врачевал. Исцелял больных. Бесов изгонял. Язычников обращал в Божью веру. Такая ему была дана сила.

Шли годы. Морийцы жили, словно одна семья. Каждый готов был помочь соседу. Если случались ссоры, обиды, никто в суд не обращался. Собирались друзья, родственники и, беседуя по-дружески, находили компромисс, уговаривали примириться враждующих и непримиримых. Если и не участвовал Иоанн в таких беседах, всё равно переговорщики чувствовали его незримое присутствие. Иоанн как бы нашёптывал непримиримым и враждующим какие-то самые главные слова, добрые слова, примиряющие спорщиков друг с другом.

Разные люди были среди морийцев. Умные и глупые. Талантливые и бездарные. Здоровые и больные. Иоанн всегда чувствовал себя в кругу единомышленников. Во время беседы ли, выполняя ли работы, сколько бы морийцев ни было – два, три, сто человек, всегда среди них были ещё три незримые фигуры, участвующие во всех делах: Совесть, Благодетельство и Достоинство. То ли море излечило дураков от безумия, как предсказывали мудрые отцы города, снаряжавшие корабль дураков, то ли излечил их Преподобный отец Иоанн любовью своей и силой, данной ему Божьей милостью. Может быть, действительно отец Иоанн Летсер совершил чудо своими проповедями? Или, возможно, вовсе и не безумными были те дураки, а несправедливо оговорёнными и незаслуженно изгнанными из общества, как это часто бывает между нами, грешными?

Так или иначе, Иоанн обучал морийцев слову Божьему. Находил особо душевно одарённых. Многих направил на путь священства, следя за тем, чтобы не прерывалась сплошная цепочка рукоположения. Так создавалась Христова церковь Мории, осенённая благословением Святой Девы Марии.

Апостолом любви называли морийцы своего капитана.

– Человек без любви не может приблизиться к Господу и угодить ему, – учил преподобный Иоанн. И сам был примером любви для окружающих.

О дальнейшей судьбе этого необыкновенного человека я расскажу немного позже.

Остров Мория

*Вовремя глупым умей
Притвориться – всех будешь мудрее.*

Эразм Роттердамский

*Из глубины веков угрюмо
Плывёт во тьме, со скарбом в трюмах,
С могучей бездной в битве спора,
Корабль-призрак, демон моря...
Но он летит, не зная страха,
С желаньем вырваться из мрака,
Пробиться к Свету – цель пути,
Чтобы покой души найти...*

А. Галлицкий

До нас не дошли подробности жизни первых морийцев – где они добывали пищу, как чинили корабль, что делали в свободное время. Но шли месяцы, а потом годы, в Европу приходили случайные вести от моряков и жителей дальних островов о том, что всё на Мории хорошо. Живут жители Мории счастливо. Женятся. Детей рожают. Благодарят Пресвятую Деву Марию за дарованную им свободу. Святая Дева, считают они, слышит их молитвы. И передает Сыну Небесному.

Великий Эразм Роттердамский, остроумнейший из учёных и учёнейший из остроумных, вдохновился вестью о счастливой жизни на Мории и воспел Похвалу Глупости¹⁶.

Корабль старался не появляться в больших портах. Морийцы отсылали шлюпки к богатым берегам, чтобы запастись дровами, водой, продуктами. Часто Мория стояла в больших

¹⁶ Сатира Эразма Роттердамского. Одно из центральных его произведений. Датируется 1509 годом.

пресноводных заливах, образующихся в устьях рек, таких, например, как Ла-Плата Южной Америки, где в те времена не было ещё крупных поселений. За время стоянки в пресной воде ивы разрастались и укрепляли борта и днища Мории.

Кораблю Мории и его экипажу не раз приходилось встречаться с пиратами. Используя преимущество в скорости, кораблю обычно удавалось оторваться от них. Но однажды, потушив сигнальные огни и воспользовавшись тихой безлунной ночью, вплотную к Мории сумело подобраться пиратское судно. Морских разбойников обнаружили поздно, те успели сблизиться, забросить абордажные крючья, подтянуться канатами к густым ивовым зарослям, расположенным по бортам Мории. С весёлой яростью защищали морийцы свое счастье и свою свободу. Топорами и копьями отбивали они нападение лихих разбойников. Могучие женщины-морийки помогали своим мужьям и братьям. В ход шли багры, колья, печные щипцы. Дети забирались на мачты и сыпали на головы нападавших горячие угли. Пиратам не удалось захватить богатую добычу. Всё получилось наоборот. Морийцы захватили пиратский корабль. Сбросили нападавших в море. Часть пиратского экипажа перешла на сторону победителя. Захваченный корабль вошел в состав Мории и расширил палубное пространство. Закрома, дрова, продовольствие, небольшое стадо скота и домашние птицы с пиратского судна достались Мории.

Чтобы избежать случайных встреч, морийцы придумали и соорудили наблюдательный шар, наполняемый горячим воздухом от горелки, работающей на животном жире. Шар, привязанный верёвкой к кораблю, поднимал дежурного матроса наверх, чтобы расширить горизонт наблюдения и избежать сражений.

Но морские сражения всё равно происходили. Слишком лакомым куском казался корабль Мория пиратам и военным кораблям разных держав, по существу – королевским пиратам. Много оружия, много продуктов, много женщин, а, может быть, и золота, – чем чёрт не шутит, не такие уж дураки эти морийцы, как представляются. Пираты и военные собирали эскадры для охоты за Морией. Но так уж получалось, что нападавшие либо не догоняли Морию, либо удалялись не солоно хлебавши, либо их корабли захватывались морийцами и присоединялись к Мории. У морийцев появились отряды военных, которые защищали свой корабль от нападения и брали в плен корабли побеждённых. Чего греха таить, морийцы вошли во вкус. Они стали сами нападать на богатые суда, захватывали корабли, грузы, присоединяли их к Мории.

Мория расширялась. Морийцы осваивали все палубы кораблей от трюма до верхней палубы, квартердека. Жителей становилось больше. Становилось больше мастерских. В трюмах хранилось больше продовольствия. Для расширения жизненного пространства надстраивались новые палубы. Контуры прежних кораблей терялись. Пространство между ними зарастало густо переплетёнными ивовыми стволами и ветвями. На палубы завозили землю. Сажали цветы, фруктовые деревья, разбивали огороды. Посредине верхней палубы от носа до кормы сделали дорогу, по которой можно было ехать верхом или возить грузы на телегах с помощью волов и лошадей. Корабль превращался в остров.

Это был остров. Это была страна. Как гордились морийцы этой своей страной! Ведь они сами её создали. Да, был Брант. Был Вирт, который познакомил Бранта с Летсером. Были другие выдающиеся люди. С ними их капитан, Апостол любви, «железный портняжка», Его преподобие Иоанн Летсер. Но построили всё и отстояли свой корабль-остров они сами, своими собственными руками. Слава Мории! О великолепная Мория! О Благословенная Мория!

Иоанн доволен всем, что теперь он видит на Мории, какой стала его страна. Сорок лет бессменно вёл он корабль по волнам безверья и безумия. Не так ли и Моисей сорок лет водил евреев по пустыне? Сорок лет назад ушёл в море корабль дураков. Люди изменились. Выросли два новых поколения. Морийцы стали жизнеспособным, отважным, весёлым, работающим народом. Иоанн выполнил свой долг. Сам он теперь уже немолод, может со спокойной душой оста-

вить Морию. И посвятить Богу остаток жизни, как мечтал в молодые свои годы. Теперь на его место может встать другой, более молодой капитан. Живите, морийцы, радуйтесь жизни, растите детей, молитесь Господу нашему небесному, сыну его Иисусу и Святой Деве Марии. Не забывайте и о матери вашей Мории, земной и божественной одновременно. Вернётся она в трудную минуту к детям своим, найдёт своё земное воплощение и поможет одолеть врагов, пришедших из сумеречных миров. Это я вам говорю, ваш капитан, Иоанн Летсер.

Вместе с учеником Прохором на лодке покидает Летсер остров Морию, дело всей своей жизни. А Мория плывёт дальше по волнам времени.

Высаживается Иоанн на Кикладах, малонаселённых греческих островах. Проповедью обращает жителей в христианство. Вракует, изгоняет бесов, помогает терпящим бедствие на водах. Находит пещеру на пустынной горе. После трёхдневного поста начинает молитву. Стены пещеры приходят в движение. Слышны раскаты грома. В страхе падает на землю ученик его Прохор. Вставай, Прохор, пиши, что я слышу: «Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец, – говорит Господь. – Который есть и был, и грядёт, Вседержитель». На горе этой Иоанн строит небольшую часовню своей покровительницы Святой Девы Марии. Сам с Прохором живет в пещере. Голову во сне кладёт на камень. Острым готическим почерком выводит Прохор под диктовку учителя слова и строчки святой книги. Потомки назвали её «Откровения Иоанна Летсера». Слух о великом праведнике разносится далеко за пределы греческих островов. Многие приходят к нему за помощью и советом. Прожил Иоанн, капитан Мории, на земле более ста лет. Ушёл из жизни Апостол любви скромно, как обычный человек. Не искал земной славы, а лишь путь к небесам. Много сделал для нас, грешных. Могилу неизвестного монаха греки посещают до сих пор: чтобы избавиться от болезней, для поддержки в горе, чтобы помощь получить и сомнения одолеть. Ученик Прохор бережно сохранил книгу откровений Иоанна, перевез в родную Морию и лично передал её в надёжные руки отцов морийской церкви.

Летучий голландец

*Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль летучего Голландца.
И если в час прозрачный, утренний,
Пловцы в морях его встречали,
Их вечно мучил голос внутренний
Слепым предвестием печали.*

Н. Гумилёв

Если разглядывать Морию, когда она дрейфует со спущенными парусами, может показаться, что это обычный островок, низкий, без скал, с берегами, заросшими ивовыми деревьями и кустарником, полностью застроенный домами, выглядывающими из небольших кудрявых садилов.

Но вот налетает ветер. Капитан принимает решение. Слышится команда: свистать всех наверх! Поднять паруса! Полный вперёд! Сотни моряков бегут вверх по верёвочным лестницам. Разворачиваются и поднимаются паруса. Остров превращается в эскадру белокрылых кораблей. Как ветер набирает скорость и летит остров – корабль Мория. Испуганно смотрят моряки встречных кораблей на это чудо. Внимательно вглядываются, направляя подзорную трубу на капитанский мостик. Там на руле – лихой капитан. Высокий, могучий. Решительный. С безумными глазами. В лучах утреннего солнца на палубе можно разглядеть людей, облачён-

ных в странные одежды. Но вот солнце в зените – видение исчезло. Будто и не было ни острова, ни кораблей. Что же тогда было? Не мираж ли это?

Всё необычное кажется нам угрожающим и опасным. Мурашки бегут по спинам моряков, увидевших Морию на горизонте. Кровь стынет в жилах. Голландец! Летучий Голландец! Парусный корабль-призрак, который налетает из ниоткуда. Заколдованный корабль, несущий смерть.

Вспоминается легенда о проклятом капитане, обречённом вечно скитаться по морской стихии, не приставая к берегу. Голландский капитан Ван дер Декен из города Дельфта. По другой версии – Ван Страатен. Страшный сквернослов и богохульник. В сильную бурю пытался он обогнуть на своём корабле мыс Доброй Надежды. Ветер раскачивает корабль, вода заливают палубу. Кажется, вот-вот корабль не выдержит ударов налетающих шквалов.

– Поверни назад, – говорит ему один из офицеров. – Иначе мы все погибнем.

Бранью и оскорблениями отвечает ему капитан. «Я дал клятву – обогнуть мыс Доброй Надежды, хотя бы для этого потребовалась вечность».

Офицер требует, матросы и пассажиры умоляют повернуть назад.

– Добавить паруса! – слышится в ответ.

Бешеные волны расшатывают борта, свирепый ветер гнёт мачты и рвёт парусину. Капитан бросает вызов Господу Богу. На корабле бунт. Капитан достаёт пистолет, убивает мятежного офицера и выбрасывает его за борт.

В тот момент, когда тело убитого касается воды, ветер стихает, облака на небе расступаются. На капитанском мостике появляется призрачная фигура. Призрак говорит капитану:

– Ты упрям. Ты хочешь пройти мыс Доброй Надежды. Я помогу тебе, я успокою ветер.

Отборной бранью отвечает ему капитан:

– Я не просил о погоде. Не просил о помощи. Убирайся, или я застрелю тебя!

Капитан стреляет в призрака. Оружие разбивается в его руке.

– Будь ты проклят, – говорит призрак. – Вечно бороздить тебе море без захода в порт. Вслед за кораблём твоим всегда будет идти буря. Желчь будет тебе вином, раскалённое докрасна железо – мясом. На лбу твоём вырастут рога, лицо превратится в морду тигра. Будешь просить о смерти, экипаж корабля будет просить о смерти – смерть не придет к вам.

– Пусть так, мне всё равно! Убирайся! – в порыве безрассудства кричит капитан.

Много веков, говорит легенда, носится по водной стихии корабль-призрак. Паруса натянуты. Мачты скрипят от яростных порывов ветра. Команду корабля набирают из утопленников. Чем поганее и мерзостнее их деяния при жизни, тем лучше.

Встретить Летучего Голландца – дурной знак. Встреча с ним сулит несчастья путешественникам. Вслед за кораблём налетает буря, бросает проходящие суда на скалы и подводные рифы. Внезапно портится весь провиант. Экипаж заболевает неизвестными болезнями. Иногда с Летучего Голландца передают письма. Открывают такое письмо – и корабль идёт на дно.

Моряки встречных судов видят на мостике капитана, вцепившегося в штурвал, раскаявшегося, умоляющего небо о прощении. Команда – улыбающиеся скелеты, поднимающие всё новые и новые паруса.

Легенды это или оптический обман? Почему Морию часто принимают за странный призрачный корабль? Были для этого какие-то основания или их не было?

Мория налетала внезапно на встречные корабли. Белокрылый парусный остров нёсся с такой скоростью, что, казалось, появлялся ниоткуда, летел, будто по воздуху.

Отважные вояки в лохмотьях, часто полуголые, с сумасшедшими яростными криками в считанные минуты овладевали захваченными врасплох судами. Те, кому удавалось спастись на лодках, – что они могли рассказать по возвращении? «Корабль-призрак и заколдованные мертвецы-матросы, продавшие душу дьяволу!»

Если кто-то из друзей или родственников спасшихся моряков узнавал по их рассказам корабль Морию... «Это всё объясняет. Мория – корабль дураков, проклятый корабль, призрак прежней жизни. Мы изгнали дураков из своего мира, мы их прокляли. И наше проклятье одолело их».

Очень боялись жители городов и деревень этих чудом спасшихся моряков, вернувшихся домой после встречи с Морией. Поверье говорит, что на тех, кто встречался с кораблем-призраком, может перейти проклятье Летучего Голландца. Они становятся нечувствительными к боли, усталости, не различают ни тепла, ни холода. Так случилось с известным пиратом Кенару, который мучился подобным недугом, не мог уйти в море, бродил из города в город, просил, умолял встречных о помощи. Те, кто не хотел, не пытался помочь ему, разделял проклятье Кенару.

Возможно, были и другие основания для пересудов о страшном корабле-призраке. Случалось так, что некоторым судам удавалось незамеченными приблизиться к необыкновенному городу-кораблю. Быть может, причинами тому были природная невнимательность и пофигийство весёлых морийцев, а может, это происходило как раз в то время, когда все морийцы отвлекались от обычных дел и собирались на центральной площади для решения каких-то важных вопросов. Так или иначе, за столетия плавания Мории отдельные случаи высадки неожиданных гостей случались.

Что они, эти гости, видели на борту Мории? Могли оказаться среди ухоженных домиков и опрятных цветников. А могли попасть и на пустующие окраины, заскочить в ветхие, почти не пригодные для жилья каюты, спуститься в давно заброшенные трюмы.

Ни одного члена экипажа. Только канарейки в клетке. Раскиданные вещи. Разбитая посуда. Остатки тёплой ещё еды. Вахтенный журнал, покрытый мхом и плесенью. Что это за корабль, покинутый моряками, гонимый в никуда ветром и волнами? Дрейфующий в двух стихиях – в море и в тайне. Слышатся заунывные звуки, будто из преисподней, похожие на жалобные стоны и плач. Громыканье, как поступь захмелевшего великана, – это стук незакрепленного руля, бьющегося о корму. Чуть слышное поскрипывание и стон деревянной обшивки во время качки.

Странные звуки, тяжёлое прерывистое дыхание из-под палубы – это вода, хлюпающая в полузатопленном трюме. Медленно крутится штурвал. Брошенный штурвал – значит, рядом нет рулевого с мёртвой хваткой. Скрипнет дверь, будто кто-то незримый тронул её в соседнем отсеке. Кошмарное зрелище! Воплощение извечного человеческого страха перед смертью. Не галлюцинации ли это? Испуганному гостю слышится лязг топоров, шум драки не на жизнь, а на смерть, всюду мерещится кровь. Любой моряк, случайно попавший на корабль-призрак, невольно проникается суеверным страхом. Ни шагу дальше. Бежать, скорее бежать с этого проклятого корабля!

Бешеным гоготом, криками и свистами провожают беглеца любящие проказы и жесткие розыгрыши морийцы. Они кричат, завывая:

– Не уходи-и-и, помоги-и-и нам, дай поесть, протяни-и-и нам руку помощи!

Что сможет рассказать об этом случайный посетитель по возвращении?

Так многочисленные слухи и легенды о Летучем Голландце, корабле с мертвецами на борту, размахивающими топорами и дубинами, перемешивались с отрывочными сведениями о жизни Мории.

Страшно вспоминать потом о встрече с проклятым кораблём. Как должно было поступить тогда, в тот момент? Подать руку отверженным и передать себя, по собственной воле, во власть безумцам? Или отказать им в помощи, бежать, куда глаза глядят, и принять на себя в наказание их проклятье? Так ведь и происходило: побывавшие на корабле Мория сами становились отверженными. Огородами обходили их дома соседи, держались подальше, чтобы не встретиться ненароком с этими несчастными, побывавшими на проклятом корабле.

Сбылось чьё-то проклятье, неизвестно кому адресованное. То ли Ван дер Декену, то ли всем дуракам, вместе взятым. Моряки избегали Мории. Суда, издали завидев корабль Морию, обращались в бегство от одного факта его лицезрения. Морию не пускали в порты. Никому из морийцев не разрешалось среди бела дня выходить на берег. Лишь тайно, лишь под покровом ночи высаживались они среди труднодоступных, опасных скал, чтобы пополнить запасы продовольствия и воды, проникнуть в город и продать на рынке приготовленную собственными руками одежду, обувь и домашнюю утварь.

Провинции Мории и атаман Гермек

Шли годы. Остров вырос. Теперь он уже совсем мало похож на корабль. На верхней палубе – улицы, переулки, подъёмы, спуски и провалы. Поднялись деревья и сады. На десятки метров вниз уходили этажами жилища, мастерские, кладовые. Можно было заметить лишь одно отличие домиков, хижин, улиц и улочек Мории от обычных городских построек. Но сколь же велико было это отличие! Прямо из строений сплошным частоколом поднимался в небо лес мачт с перекрестьями рей, с лебедиными крыльями парусов и романтической паутиной такелажа. Остров-корабль. Плавающая страна Мория. Совсем небольшая, но все-таки страна.

На острове образовались разные районы. Большая часть Мории, та, что была сформирована ещё в Страсбурге, называлась Великоморией. Жителей этой части страны называли великоморами. В дальнейшем к Мории были последовательно присоединены Беломория, Маломория, Среднемория, Дальняя Примория. Долгие бои Мория вела с воинственными эскадрами Гордых, или, как их называли, «Гордских» пиратов. Временами Мория побеждала и присоединяла их корабли к себе. Потом покорённые были пираты восставали, с боем уходили из Мории,

а во время их очередных набегов Мория снова их завоёвывала. Эту часть называли Какбымория, Квазимория, Кавзимория. Последнее название так и осталось. Была небольшая прибившаяся Мория, Прибамория. Жили там особые дураки. Такие дураки, что не нашим дуракам чета. Курвами называли их великоморы, а район этот в определённые исторические моменты называли Курляндиморией.

Следует рассказать ещё об одной части Мории и ещё об одном человеке, которые – и эта часть Мории, и этот человек – как мы увидим в дальнейшем, сыграли ключевую роль в новейшей жизни Мории в те времена, когда её посетил капитан Александр.

Человек этот, знаменитый атаман, прибыл в Морию по своей инициативе ещё во времена капитана Иоанна Летсера. Прибыл на речных судах, стругах¹⁷, со своими товарищами – атаманами Кольцом, Михом, Паном, Мещеряком, Черкасом, Брызгом (*может быть, тебе знакомы эти имена*) и многочисленными отрядами и дружинами. Рискнул. Тогда, когда Мория проходила недалеко от берега моря. Искал свободы. Мечтал стать морийцем. Летсер принял его милостиво, дал приют, определил на службу. Окрестил в веру Христову. Предложил дать имя христианское Петрос (Камень). Атаман просил Иоанна:

– Согласен имя свое прежнее позабыть. Пусть имя мое будет теперь Камень, как ты сказал, но пусть оно звучит как Гермек, что означает «камень» на языке племени моего, живущего на дальней реке Чусовой.

Согласно летописи, оставленной Ремизом Ульяном, отец которого лично знал участников гермековских дружин, знаменитый атаман этот был «вельми мужественен, и человекен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколицен, чёрн брадою, возрастом (ростом) средней, и плоск, и плечист».

Летсер подарил Гермеку панцирь с мишенями (бляшками). На бляшках герб Мории изображён: два кита, на спинах которых стоит корабль дураков в виде испанской каравеллы, у которой не отличишь нос от кормы. На корабле, с левой стороны, – скипетр, символ земной власти, с правой – зеркало, прозрачная сфера архангела Михаила, символ предначертания и предвидения, атрибут власти Священной Римской империи, символ небесной власти, дарованной Богом.

---

¹⁷ Плоскостонные парусно-гребные суда для перевозки людей и грузов.

Со всех сторон на зажиточную Морию устремлялись завистливые взгляды жадных пиратов Посполитов с Литами и всякой «воровской самоеди» (селькунов)¹⁸: неистового Кучума из рода Шейбанидов и хитрого Сипыра, вождя древнего народа сипыр. «Сипыр» стали называть новую провинцию, создаваемую вольными ратниками, мастерами рубки, абордажа и морского боя отрядов Гермек. Другие называли эту провинцию Сэбэр (мети, подметай) или Сибирмак (очищать) в связи с обычаем очищать с великим тщанием и освящать по христианскому обычаю все суда, присоединяемые к восточной провинции Мории. Возможно, это было самоназвание бойцов и воевод создаваемой восточной окраины: Сыбыр, называли они себя, что означало «местные, рассеянные (живущие тут) люди». Так или иначе, но провинция, созданная Гермеком с благословения преподобного Иоанна, получила в дальнейшем, по прошествии двухсот лет, название Сибмории. Надо заметить, однако, что понятие Сибмории относилось не только и не столько к восточной провинции Мории. Обычно мориец, говоря о Сибмории, имел в виду нечто большее. Попробую объяснить.

Бывает так – море бушует, а часть моря – ровная площадь. На ней бесшумно колыхнутся гладкие низкие волны. Вокруг режут и грохочут неистовые морские валы. А эту часть моря они обходят стороной. Порывы ветра проскальзывают над водной гладью, будто не дотрагиваясь до её поверхности. Шибиrom называют морийцы такое место на море. Найдёшь это место – бурю переждёшь в безопасности. Шибир дает надежду на спасение. Шибир – неожиданный подарок небес моряку. Может, название восточной окраины Сибирмория, Сибмория произошло от слова «шибир»? Сибмория – подарок небес Мории? Только надо иметь в виду не только восточную окраину Мории, но и Шибир. Но где этот Шибир? И как он связан с Морией?

Моряки заметили: если идёт большое стадо китов, сто голов, например, а то и двести, вокруг них буря будто бы утихает. Шибир? Шибир возникает там, где много китов. Возникает из-за китов или киты умеют найти Шибир? Какая разница.

Сколько раз Гермек выходил на ратный труд в море на своих неприспособленных для этого речных судах! Часто встречал мирно пасущиеся отдельные семьи и стада морских гигантов. Чесали бритые затылки товарищи атамана. В глухих лесах их далёкой забытой родины самая большая рыба – лосось, а самый большой зверь – медведь. А тут киты, разве сравнишь? Приглядливый атаман заметил весёлый и дружелюбный нрав китов, этих несравненных гигантов моря, их любопытство и понятливость. Многие бойцы Гермекы вышли из лесов, покрывающих древние мудрые горы. В тех краях горы, реки, деревья, растения, животные, люди живут одной семьёй. Ещё не разучились понимать друг друга. Там, на Чусовой, Гермек умел найти общий язык с любым деревом, цветком, со зверем любым. И с пушистой белкой, и с зайцем-русаком, и с лисицей, и с Топтыгиным, хозяином тайги. Как же давно это было! И как сильно с тех пор изменилась его жизнь! Возвращаясь на закате после удачного боя, Гермек останавливал струги невдалеке от мирно пасущихся китов, наблюдал их игры. Слушал скрежет, щелчки, пение и гулкие призывные крики хозяев морей. Иногда он опускал голову к воде и, приложив руку ко рту, испускал непонятные звуки. Киты приходили в движение. Они, казалось, отвечали атаману. И когда однажды атаман увидел жестокое нападение китобоев на своих новых друзей... Зрелище беспощадной охоты... Всё перевернулось в душе атамана. Гермек стал грозой морских охотников.

¹⁸ Селькуны (селькупы) – остяки-самоеды (до 1930 года).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.